

УСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ
НОВГОРОДА

В XII в. намечается перемещение основных путей европейской торговли. Средиземноморская торговля переходит от Византии в руки французов и итальянцев. Конкурентом Константинополя в торговле с севером Европы становится Венеция. Торговое движение по «Великому пути из варяг в греки», соединявшему бассейны Средиземного и Черного морей с Балтикой по Неве, Ладоге, Волхову и Днепру, постепенно затихает. Киев, Чернигов и другие русские города остаются в стороне от основных торговых путей Европы.

Однако перемещение торговых путей Европы благоприятно сказывается на торговле Новгорода с бассейном Волги: через Новгород и владимирско-суздальские города направляются новые пути европейской торговли с Востоком. Новгородцы в изобилии вывозят пушнину из своих северо-восточных владений, а ввозят из-за границы сукно, железо, соль, хлеб, лошадей, предметы роскоши.

В XII в. новгородских купцов можно было встретить почти во всех торговых городах Балтики. Указания на заморскую торговлю новгородцев можно найти в дошедших до нас договорах с иноземными гостями и в новгородских летописях. В летописи отмечено, например, что в 1130 г. буря в Балтийском море разбила семь новгородских ладей, возвращавшихся из Готланда. Под 1134 г. новгородская летопись отмечает жестокую расправу с новгородцами в Дании: «рубоша новгородць за морем в Дони». Свидетельства об иностранной торговле Новгорода встречаются и у западноевропейских писателей того времени — у Адама Бременского, Саксона Грамматика и др.

В 1156 г. заморские купцы, то есть, очевидно, новгородцы, ведшие заморскую торговлю, ставят на Торговище церковь Пятницы (покровительницы торговли). На связи с Западом и на обилие иностранцев в Новгороде указывает наличие в Новгороде иноземных церквей. В житии Антония Римлянина рассказывается, что по прибытии в Новгород он нашел здесь людей, говоривших на европейских языках. Факт приезда Антония в Новго-

род из Италии уже сам по себе указывает на мировые торговые связи Новгорода.

Одновременно с развитием торговли идет в Новгороде развитие ремесел. Целые улицы были заселены в Новгороде ремесленниками одной специальности. Один из пяти концов Новгорода назывался Плотницким, другой — Гончарным. Ремесленники активно участвуют во второй половине XII—XIII в. в политической жизни Новгорода.

Чрезвычайно усиливается и феодальная эксплуатация новгородским боярством своих владений, постепенно расширяющихся до Балтийского моря на северо-западе, до Ледовитого океана и Белого моря на севере, до Урала на востоке и до впадения Оки в Волгу на юго-востоке.

Могущественный и развивающийся Новгород вступает в борьбу со слабеющим Киевом. На время интересы богатеющих новгородских торговцев и ремесленников объединяются в общем им всем стремлении освободиться из-под политической опеки Киева и проводника этой опеки — ставленника киевского князя — новгородского князя.

До середины XII в. князь представлял собой основную силу в государственной и культурной жизни Новгорода. В первой четверти XII в. старший сын Владимира Мономаха Мстислав, а затем сын Мстислава Всеволод стоят во главе политических предприятий Новгорода, покровительствуют искусствам, книжности, обстраивают Новгород двумя крупнейшими монастырями — Антониевым и Юрьевым, укрепляют Детинец, обстраивают Ярославово Дворище, покровительствуют культурному влиянию киевских книжников и киевского монашества. Однако, по-видимому, уже в первой половине XII в. князь теряет свои права на Софию Новгородскую, бывшую перед тем княжеским храмом, и обосновывается на другой стороне Волхова — на Ярославовом Дворище, уступая Детинец вечу.

К середине XII в. относится установление нового социального и политического строя в Новгороде. Новгород становится независимой боярской республикой. Процесс образования нового политического строя сопровождается рядом бурных потрясений в жизни Новгорода, частыми сменами князей, посадников, тысяцких и заканчивается установлением всех тех новых форм правления, которые составляют затем на протяжении ряда веков характерную особенность Новгорода.

Особенно сильные волнения происходят в 1136 г. Собравшееся вече, на котором присутствовали не только новгородцы, но псковичи и ладожане, смещает князя. Его сажают в «епископль двор с женою и с детьми и с тещею, месяца мая в 28; и страже стрежаху день и ночь с оружием, 30 мужь на деню».

✓ Переворот 1136 г. окончательно ослабил княжескую власть в Новгороде и закрепил господствующее положение в управлении городом боярства и епископа, игравшего крупную роль в восстании 1136 г. С этой поры новые князья не присылаются из Киева, а приглашаются самим вечем в качестве военных специалистов. Они ограничены в своих правах особым договором — «рядом». Князья лишены с этой поры большинства своих доходов, прав и

земельных владений; они ограничены в охоте и суде; их выселяют за город — на Рюриково Городище, чтобы они не могли вновь захватить власть в городе военной силой.

Значительно усиливается роль веча. Вече избирает посадников, тысяцких и даже архиепископа. Формально вечу принадлежит верховная власть в городе, однако на самом деле боярству путем подкупов и найма «худых мужиков вечников» удается добиваться нужных ему решений. Власть исполнительная в Новгороде принадлежала Совету господ, куда входило крупнейшее новгородское боярство, отличавшееся своим богатством и колоссальными земельными владениями. Совет господ подготовлял для решений веча и те вопросы, которые должны были утверждаться всеми новгородцами. Благодаря этому Совет господ фактически управлял Новгородом, только в исключительных случаях подпадая под контроль веча, время от времени заявлявшего о своих верховных правах бурными собраниями, иногда заканчивавшимися народными волнениями.

Во главе Совета господ — «начальником новгородских бояр» — после восстания 1136 г. становится новгородский епископ — богатейший землевладелец города, к которому переходят права, доходы и земельные владения князя.

Епископ становится полным хозяином Детинца и Софии — патрональной святыни Новгорода и средоточия новгородской государственной жизни. В руки епископа переходит софийская казна; он ведает внешними сношениями Новгорода; он приобретает право суда, право наблюдения за торговыми мерами и т. д.

✓ Нигде в других городах и княжествах древней Руси церковь не была так тесно связана с государственной жизнью, как в Новгороде. Это значение новгородская церковь приобрела, став на сторону бояр и купцов против новгородского князя и активно вмешавшись в народные волнения середины XII в.

Благодаря удачной политической игре епископу Нифонту удастся занять в Новгороде господствующее положение, а затем выйти из зависимости от киевского митрополита, которому новгородский епископ как глава одной из епархий русской церкви был формально подчинен. Пользуясь церковными смутами, вызванными назначением Климента Смолятича киевским митрополитом помимо воли константинопольского патриарха, Нифонт добивается у последнего признания за собой титула архиепископа и некоторой независимости от киевского митрополита. Отныне назначение новгородских архиепископов производится не по воле киевского митрополита. Новгородцы сами избирают себе архиепископов на вече, собирающемся в церкви Софии, и только затем посылают их в Киев для формального посвящения.

Установлению выборного замещения новгородской епископской кафедры должна была предшествовать большая церковно-юридическая и церковно-историческая работа. Оригинальная и сложная реформа церковного управления Новгородом была тщательно продумана и установлена знатоком церковного законодательства Нифонтом, который, очевидно, и завещал прове-

сти ее в жизнь при первом же случае, то есть сразу же после своей смерти при выборах нового архиепископа.

Таким образом, новгородская церковь и ее глава архиепископ освободились от влияния Киева и начали играть главенствующую роль в политической жизни Новгорода. Вместе с тем сама новгородская церковь подпала под контроль веча. Новгородцы сами низлагают неугодных им архиепископов и выбирают новых. Так, например, в 1211 г. новгородцы прогоняют архиепископа Митрофана; в 1228 г. они низлагают владыку Арсения, обвиняя его в том, что будто бы из-за него стояла дождливая погода; в 1421 г. новгородцы прогоняют владыку Феодосия за то, что он был «шестником», то есть пришельцем, а не коренным новгородцем, и т. д.

В выборах архиепископов вече не было стеснено иерархическими ограничениями. Избираемый должен был принадлежать к числу духовенства, но был ли он монахом или простым священником, не имело, по-видимому, особого значения. Вступление в ряды духовенства и выход из него были открыты для всех желающих, не представляя особых затруднений.

Обмирщение новгородской церкви выразилось также и в том, что вокруг Софии создается двор, во всем подобный княжескому. Владыка заводит своих дворецких, казначеев, ключников, чашников, крайчих, медоваров, поездчиков, тиунов, десятников, приставов, зазывальщиков, доводчиков, борцов. Владычние «молодцы» самостоятельно выполняют военные операции. Владыка на собственные средства ставит крепостные стены и «костры» (башни). У него свой «владычний» полк. Он выезжает на соколиную охоту во главе многочисленной свиты. Он покровительствует искусствам; при его дворе ведется летопись.

Большинство новгородских грамот скрепляются санкцией владыки — его благословением. Сама София становится символом новгородской независимости. Отправляясь в походы, новгородцы обещают честно умереть за Софию и заручаются благословением архиепископа. Именем Софии заключали мир, пользовались им как боевым кличем и политическим лозунгом.

С середины XII в. и в течение нескольких столетий в Новгороде все более или менее крупные предприятия по строительству и росписи храмов осуществляются артелями — «дружинами». Эти артели существуют прежде всего при дворе новгородского архиепископа и населяют его «слободы» в окрестностях города и поблизости Детинца. Члены этих артелей носят название «владычних паробков» или «владычних ребят». «Паробки» и «ребята» переписывают священные книги, составляют дружины строителей и иконописцев.

Характерно, что Нередицкую церковь расписывало не менее десяти художников одновременно. Этот способ работ «дружиной» документально засвидетельствован в Новгороде и позднее (после его присоединения к Русскому государству) писцовыми книгами.

Наряду с архиепископом с середины XII в. активной силой в культурной жизни Новгорода выступают корпорации кончан (жителей городского конца), уличан (жителей одной улицы), сотни и братчины, на которые, по

выражению Ключевского, «мозаически» распадалось новгородское общество.

Вечевые порядки Новгорода требовали от бояр значительных издержек на всякого рода угощения или пожертвования, имевшие целью привлечение к себе сторонников. Организация новгородского самоуправления по концам, улицам и сотням, соответствовавшим до известной степени современным им цехам и гильдиям западноевропейских городов, способствовала поддержанию таких обычаев.

Уличане организовывались вокруг своей уличанской церкви, которую часто и строили совместно. Вокруг уличанской церкви создавалась купеческая община, на нее давал значительные пожертвования боярин, чтобы снискать себе популярность среди прихожан-уличан. Благодаря щедрости боярина уличане часто действовали совместно в его пользу, укрывали у себя его сторонников, запирались от его врагов, выдвигали его на вече. Не менее часто, впрочем, уличане действовали и против боярина, как и всюду, выступая в тесном единстве — всею улицей.

С середины XII в. улицы, концы и сотни начинают играть огромную роль в Новгородском государстве. Кончанские и уличские старосты скрепляли своими печатями важнейшие государственные грамоты. Улицы и концы обладали коллективной собственностью и, по-видимому, если об этом судить по названиям районов города, специализировались по преимуществу в каком-нибудь одном ремесле (гончарном, плотницком, сапожном, кузнечном, кожевенном и т. д.). Возможно, что концы и улицы повторяли у себя в менее значительных масштабах организацию новгородского самоуправления и обладали собственными вечеми. Во всяком случае, должность уличанского попа была такою же выборною, как и должность архиепископа. Даже в XVI в. в постановлениях московского Стоглавого собора с осуждением отмечено, что попов в Новгороде приводили ставиться ко владыке всею улицей.

Епископ, бояре, купечество, улицы и концы — таковы те новые инициаторы культурных предприятий Новгорода, которые пришли в середине XII в. на смену князю. В XI и первой половине XII в. все памятники новгородской письменности принадлежат князю или его родственникам. С середины же XII в. большинство произведений новгородской письменности — епископского, боярского, купеческого или корпоративного происхождения.

Политический переворот середины XII в. не замедлил сказаться и в искусстве Новгорода. Заметно иные, более «демократические» формы приобретает живопись и в особенности архитектура. Последний княжеской постройкой в пределах городской черты обычного для XI — начала XII в. монументально-торжественного типа следует считать церковь Ивана на Петрятине дворе (на Опоках) 1127 г., которую Всеволод Мстиславич после потери Софии безуспешно пытался сделать новым политическим центром Новгорода.

Боярско-купеческое строительство второй половины XII в. вырабаты-

вадет новый тип четырехстолпного, квадратного в плане, храма, более упрощенного и уменьшенного в размерах типа, чем грандиозные княжеские соборы предшествующей поры.

В отличие от церквей княжеской постройки с резким разделением молящихся на привилегированных, «избранных», и остальную массу молящихся новые церкви не разделяют молящихся и в этом смысле становятся «демократичнее», обыденнее. Раньше князья строили церкви с великолепными, сильно освещенными каменными хорами, на которых слушали богослужение только княжеская семья и приближенные, тогда как внизу помещалась вся остальная масса молящихся. Новые же, возводимые со второй половины XII в. церкви боярско-купеческой постройки имеют скромные деревянные хоры служебного значения, а все молящиеся вместе стоят внизу.

Во второй половине XII в. Новгород обстраивается большим числом церквей этого типа — небольших, скромных, но встречавшихся на каждом шагу среди домов жителей. Новые церкви возводят совместно уличане (жители улицы), архиепископ, купцы, бояре. Церкви эти объединяют вокруг себя политическую жизнь и торговлю отдельных районов города (концов и улиц). В них хранятся товары, в них спасают жители свое имущество во время пожаров, в них собираются братчины, около них устраиваются совместные пиры и т. д.

Первым из храмов нового типа была, видимо, выстроенная в Новгороде в 1156 г. «заморскими купцами» церковь Параскевы Пятницы на Торговище. К этому же типу принадлежат церкви Благовещения в Аркажах (1179 г.), Воскресения на Мячине (1195 г.), Петра и Павла на Синичьей горе (1185—1192 гг.) и т. д. Новый характер построек настолько прививается, что воспринимается и княжеским строительством. К этому типу церквей принадлежала и всемирно известная церковь Спаса Нередицы, варварски разрушенная фашистами.

Она была построена в 1198 г. недалеко от княжеского двора, на Рюриковом Городище, и расписана фресками в 1199 г. Направо от входа в ней был изображен отец Александра Невского новгородский князь Ярослав Всеволодович в русских княжеских одеждах с моделью Нередицы в руках, которую он как бы подносил сидящему перед ним Христу. Изображение это относится к более позднему времени, чем остальные фрески, и, как предполагают, было выполнено по распоряжению Александра Невского вскоре после смерти его отца в 1246 г.

По сохранности своих фресок Нередица занимала совершенно исключительное место в ряду других церквей средневековья не только в Советском Союзе, но и во всей Европе. Росписи, покрывавшие собою ее стены снизу доверху, слагались в стройную систему, отражавшую средневековые представления о вселенной. Вместе с тем в росписи Нередицы, даже в ее церковные сюжеты, проникали изображения, отражавшие и патристические настроения мастеров, расписавших ее, и социальную борьбу своего времени.

Общая схема росписей русских и византийских храмов, так как она сложилась в пору своей наибольшей законченности (XI—XIII вв.), пыталась охватить всю человеческую историю и изобразить всю земную и небесную церковь.

Церковное здание в средние века символизировало собою весь мир. Церковь — это небо на земле. Изображения святых и событий истории занимают в ней строго определенные места. Сама ориентация стен средневековых соборов строго по странам света — на восток (алтарь), запад (притвор), юг и север — вела к тому же обострению чувства вселенной.

Высокие части здания — купол и своды — символизировали собою небо, где «цветет» слава Христа под реальными или символическими формами. В куполе храма обычно изображался глава церкви — Христос в славе, окруженный архангелами и ангелами. В Нередице эта купольная композиция изменена сравнительно с византийской: она изображает вознесение. В белом поясе вокруг купола находилась полустертая надпись: «вси языцы (то есть все народы) воспещите руками». Эта надпись явно утверждала равноправие русского народа в делах религии, что отвергали греки, стремившиеся главенствовать над русской церковью. В четырех парусах сводов под барабаном купола помещались изображения четырех евангелистов, соединявших небо и землю и возвещавших по всем четырем странам света слово Христа. В середине здания, посвященной земной церкви, изображались апостолы, мученики, пророки, святители, преподобные, столпники — в строгой символической системе. Здесь же помещались сцены из евангелия и истории церкви. Замечательной особенностью Нередицы в этой части ее была исключительная полнота всей системы росписи. Изображения покрывали ее стены сплошь, в том числе и те ее нижние части, которые обычно в византийских храмах облицовывали мрамором. Под мрамор расписан в Нередице лишь самый нижний пояс.

Росписи восточной, алтарной части церкви в средние века раскрывали содержание того «таинства», которое здесь совершалось во время богослужения. Вверху алтаря изображалась богоматерь, восседающая на престоле. В Нередице к этому изображению одной богоматери присоединено изображение длинной процессии святых, подходящих с обеих сторон к богородице. Подобные процессии святых в изображениях алтарной части вовсе неизвестны на Востоке. Но в Нередице они сделаны не случайно: дело в том, что во главе процессии по сторонам богородицы стоят первые русские святые, представители русской национальной церкви: князья Борис и Глеб. Культ этих святых братьев, павших от руки братоубийцы и изменника Святополка, всегда был связан с политическими идеями единения Руси и прекращения братоубийственных княжеских раздоров¹. Небезынтересно отметить, что фрески Нередицы были выполнены всего

¹ См. об этом подробнее в книгах акад. Б. Д. Грекова «Культура Киевской Руси» Издательство Академии наук СССР. М.—Л., 1944, стр. 63 и сл.

лишь через десять лет после того, как было создано «Слово о полку Игореве», — когда, следовательно, призывы к единению звучали особенно своевременно (фрески Нередицы — 1199 г., «Слово о полку Игореве», вероятно, — 1188 г.).

Западная сторона средневековых церквей отводилась для изображения конечных судеб мира — страшного суда и второго пришествия Христа как завершения всемирной истории. В этом отразилась характерная черта средневекового мировоззрения, боявшегося пустоты и неведения, претендовавшего на знание даже будущего и обычно доводившего изложение всемирных событий до последних дней мира. Эта композиция страшного суда и последних дней вселенной была разработана в живописи Нередицы с исключительной подробностью и во многом резко отличалась от византийских. В частности, новгородцев интересовало не только то, как будут наказаны на страшном суде личные грехи, но и грехи социальные: социальная несправедливость, богачи и властители, обижающие бедных и зависимых. Совершенно исключительный интерес представляла собою одна сцена, входившая в сложную композицию страшного суда и характерная для тех социальных волнений, которые испытывал Новгород в XII в. Сцена эта иллюстрировала евангельскую притчу о богаче и бедном Лазаре, в которой рассказывалось о загробном осуждении богача на вечные муки и о блаженстве бедного Лазаря. Притча эта пользовалась большой популярностью среди древнерусских книжников, вкладывавших в нее всю свою неприязнь к богатым и дополнявших ее описаниями мучений богача. Дополнили ее собственными подробностями и мастера Нередицы. Среди изображений адских мучений представлен богач, сидящий в огне, а перед ним сатана с сосудом в руке. Богач показывает себе на язык и взывает к Аврааму, который изображен напротив с душою бедного Лазаря на лоне: «отче Аврааме, — говорит богач, как это можно прочесть в надписи, — помилуй мя (меня) и послы (пошли) Лазаря, да омочить палец (палец) свой в воде и устудить (остудит) ми (мне) язык: изъмагаю бо (ибо изнемогаю) в пламени семь», на что сатана подносит ему сосуд с огнем и говорит, насмехаясь: «дружи богатый, испей горящего пламени». В Византии эта композиция неизвестна.

Фрески Нередицы были выполнены с поразительным мастерством. Ища общего, вечного, вневременного смысла изображений, живопись XI—XII вв. искусственно отбирала из реального мира лишь общие признаки, эмблемы, знаки божественного смысла. В изображениях Нередицы первое место и по размерам и по центральному положению занимают человеческие фигуры. Фигуры святых, обычно изображенные в фас, стоят по большей части изолированно.

Их прямо устремленные перед собой взоры и спокойные жесты кажутся застывшими. Изображения людей как бы выключены из окружающей обстановки, перенесены в идеальный мир: пейзаж почти отсутствует, человеческие фигуры как бы находятся вне пространства и вне времени.

Но в это типичное для XI—XIII вв. идеалистическое церковное

искусство мастера Нередицы сумели внести элементы реализма: человеческие фигуры рельефны, почти весомы, а их индивидуальные характеристики даны с поражающей силой. Особенно сильно изображение Лазаря, «воскрешенного» из мертвых: его изборозженное морщинами лицо с опущенными веками — лицо выходца с того света. В композицию крещения внесены натуралистические детали: среди группы ожидающих крещения один скидывает через голову рубашку и запутался в ней, другой плывет в исподних штанах, остальные снимают одежду, сбрасывают сапоги.

Фрески Нередицы были исполнены русскими мастерами, что доказывается надписями: они почти сплошь русские за исключением нескольких греческих, в которых, однако, сделаны характерные для русских ошибки. Язык этих надписей обнаруживает черты новгородского произношения.

Без детального знакомства с фресками Нередицы не мог обойтись не только специалист в области древнерусского искусства, но и специалисты-византологи, а также ученые, изучавшие западноевропейское искусство средневековья.

* * *

Установление нового политического порядка в Новгороде сказалось не только на изменении общего характера новгородского искусства, но и в письменности. Резко меняется летописание, которое отныне приобретает черты простоты, лаконизма, интереса к быту и известного «демократизма» стиля и языка, становящихся обычными в новгородском летописании вплоть до XV в.

Антикняжеский переворот 1136 г. и изгнание Всеволода побудили новое «республиканское» правительство Новгорода пересмотреть политические установки прежнего княжеского летописания. Эту работу Нифонт поручил Кирику — уставщику Антониева монастыря в Новгороде. Кирик изъял из новгородской летописи находившуюся в начале ее сочувствующую князю Владимиру Мономаху «Повесть временных лет» и заменил ее резко антикняжеским Киево-Печерским сводом 1095 г. Свод этот открывался предисловием, прямо направленным против княжеской власти. Автор этого предисловия упрекал князей в алчности, в несытстве, в разорении людей налогами и поборами. В тот момент, когда в Новгороде от князя отбирались его права, доходы и владения, а сам князь был изгнан из Новгорода, это вступление к новгородской летописи отлично служило делу антикняжеской пропаганды. Остальные записи княжеской летописи были сильно сокращены в порядке их цензурирования новым «республиканским» правительством Новгорода.

Со времени переворота 1136 г. новгородская летопись становится резко своеобразной и по своему содержанию и по своему стилю. Она не похожа ни на одну другую русскую летопись. Новая «республиканская» новгородская летопись уделяет все большее и большее внимание местным городским событиям: пожарам, стихийным бедствиям, внутренним волнениям

и т. д. Летописец интересуется прежде всего теми происшествиями, которые отражаются на благосостоянии населения, затрагивают его непосредственные нужды.

С редкой последовательностью новгородский летописец отмечает всякое повышение цен на хлеб и описывает непогоду, отражавшуюся на состоянии жатвы. Новгородский летописец не забывает отметить радость новгородцев по поводу того или иного счастливого исхода событий и сопровождает восклицаниями ужаса всякое общественное несчастье: голод, пожары, наводнения.

Наряду с «демократизацией» содержания летописных записей «демократизируется» и их язык. Появляются обороты деловой речи, пробивается местное произношение, народные, просторечные выражения.

Но новгородское летописание велось не только при дворе новгородского архиепископа. Так, например, в позднейших летописях путем их сопоставления и анализа можно выделить летопись, которую в течение двухсот лет вели в небольшой уличанской церкви Якова в Неревском конце. Ее настоятель — поп Герман Воята — начал вести летопись своей церкви после восстания 1136 г., придав ей поразительно необычный для средневековой письменности характер домашности, простоты и субъективизма. Круг интересов Германа Вояты неширок — это внутренние события городской жизни: постройки церквей, Великого моста через Волхов, уличные события не слишком большого значения, например напрасный переполох в городе, вызванный ложным слухом о том, что к Новгороду подошло войско псковичей.

Герман Воята отмечает в своих записях дороговизну, состояние погоды. Он пишет о жаре, стоявшей две недели, о пережженных от этого хлебах и о начавшейся затем дождливой погоде, так что, пишет о себе летописец, «не видехом ясна дни ни до зимы» (1145 г.). «На ту же осень зело страшно бысть, — записывает Воята, — гром и мълния, град же яко яблъков боле, месяца ноября в 7 день, в час 5 нощи» (1157 г.). Занесенными в краткие записи Вояты оказались и ложные слухи и сплетни (о Нифонте, например). Не мудрствуя лукаво, Воята записывает в свою летопись сообщение об утонувших в Волхове попах, рассказывает о состоянии хлебов, о покосах сена, об унесенных разливом Волхова дровах, о громе, слышанном им зимой, очевидно, во время занятий в архиепископской канцелярии («в истьбе сидяще») и, наконец, о собственном поставлении в попы (под 1144 г.). Все это изложено Воятой довольно последовательным и крепким просторечием, часто от первого лица. Воята, как видно, ограничен в своих интересах, но по-своему талантлив, не боится отступать от средневековых трафаретов книжности, вкладывая в свои записи личные интересы и вкус к быту. Непосредственная заинтересованность в описываемых событиях, облик живого человека остро ощущаются в ненамеченной простоте его записей.